

Диалог с древностью: В. Розанов о древнеегипетской цивилизации

Л. Милендиевич

Университет в Нови-Саде,
Сербия, 21102, Нови-Сад, ул. Д-ра Зорана Джинджича, 2

Для цитирования: *Милендиевич Л.* Диалог с древностью: В. Розанов о древнеегипетской цивилизации // Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология. 2023. Т. 39. Вып. 4. С. 750–761. <https://doi.org/10.21638/spbu17.2023.412>

В статье сделана попытка рассмотреть сложный культурно-исторический комплекс древнеегипетских религиозных, философских и мистических исканий в творчестве В. Розанова. Для освещения темы автор статьи помимо творчества В. Розанова обращается к трудам историков (Геродот), богословов (Хрисанф (Ретивцев)), историков религий (С. Лаголев), представителей русской религиозной философии эпохи рубежа веков (В. Соловьев, К. Бальмонт), культурологов, египтологов и философов (Г. Масперо, Я. Ассман, С. Аверинцев) и других исследователей, а также к одному из главных свидетельств древней эпохи, в древнеегипетской «Книге мертвых». Интерес к египетской цивилизации, ставший важной особенностью рубежа XIX–XX вв., показывает желание В. Розанова осуществить диалог с древностью, в которой находятся истоки всех религиозно-философских концепций. Цель работы — раскрытие положений В. Розанова, касающихся тем бессмертия и божеств в Древнем Египте, принципа астрологии и космогонии в культуре древности, а также соотношения древнеегипетской и христианской религий. По мысли В. Розанова, Древний Египет — это страна, в которой за принципом молчания кроется жизненная сила и виталистичность, нашедшая выражение в долготелетии цивилизации. В статье показано, что в центре внимания В. Розанова находится идея о том, что древнеегипетский народ был самым религиозным народом, представившим разработанное учение о бессмертии, которое стало фундаментальным основанием его религии. Розанов показывает роль астрологии, наблюдений за природными явлениями в развитии египетской религиозности, а также указывает на разветвленность существовавшего в Египте религиозного культа, в котором он особо выделяет образы Осириса и Изиды. В. Розанов отдельно отмечал, что, несмотря на веру в заклинания и волшебство, древний египтянин на определенном витке развития преодолевает страх перед таинственными и неведомым, а затем прилагает усилия, чтобы выстроить с ним связь и получить ответы на важные для него вопросы.

Ключевые слова: В. Розанов, Древний Египет, Восток, астрология, космогония, цивилизация, мифы.

В XIX в., когда Россия знакомится с Арабским Востоком, В. Розанов чувствует притяжение к древней культуре, находит скрытые связи между двумя народами, казалось бы, далекими не только территориально, но и по менталитету и религиозному чувству. Контакты России с Арабским Востоком идут в самую глубь веков и несколько яснее определяются в период становления Древней Руси: «Наиболее

ранние свидетельства о пребывании посланцев Руси на Арабском Востоке относятся к периоду XI–XIV вв. Первые из них были связаны с торговыми поездками русских в дальние страны; позднее к ним добавились те, что отражали впечатления православных паломников о путешествиях на Святую Землю. Путь отправляющихся на Восток паломников чаще всего лежал через Египет, где, кроме древностей египетской цивилизации, достаточно много христианских святынь и мест, связанных с библейской историей» [1, с. 163].

В Древнем Египте Розанов видел не легендарную восточную деспотию или сказочно-фантастический мир, а самую реальную и разностороннюю цивилизацию, в которой все токи и направления получали синтетическую полноту. Розанов обратился к древнеегипетскому мифу¹ ближе к концу жизни, когда перед ним остро и во всей зловещности предстал вопрос о судьбе христианства в современном мире. В этот момент в его душе произошло «качание цивилизаций», и древнеегипетская тема компенсировала все страдание и боль, вызванные картиной крушения старого мира. Одновременно именно в древней цивилизации Розанов увидел трансцендентность, «истоки» вещей и духовное пространство, на которое необходимо ориентироваться.

В истории Древнего Египта наблюдалась, по мнению В. Розанова, особая категория чувств и знаний, нигде не возрожденная в таком охвате, и поэтому он предостерегал, что к Древнему Египту неприменим обычный научный подход, который практиковали после Египетского похода Наполеона французские, а вслед за ними и немецкие ученые: «Таким образом, это было утаено и совершенно утаено от мира; и, собственно, вышло “на свет” совершенно случайно. Но вот когда “показалось к свету” — мы совершенно не вправе отречь, что это именно “категория”, что “так вышло у египтян” как бы вся их жизнь и четыре тысячи лет (первые цветы нежности показываются в пирамиде Гизеха, в V династии: а всех династий более 30-ти) они прожили на эту именно тему» [5, с. 251].

Одна из причин «непонимания» древней цивилизации, считает Розанов, лежит в том, что ученые в Египте видели однообразность («одна линия» и «никакой красоты») [5, с. 318]), которая, однако, объясняется отсутствием намерения древних египтян показывать свою цивилизацию, ведь вся их жизнь демонстрирует отсутствие «выставочности» и стремление запереть в пирамидах их историю, воплощает идею замкнутости жизни и желание отмежеваться от профанного мира.

¹ О зарождении у Розанова интереса к Египту свидетельствует его письмо к П. П. Перцову 1897 г.: «У Бругша, в Истории Египта, вот я читаю об удивительно расписанных стенах в подземных и надземных залах отлично сохранившимися в Египте храмов. Вот куда полетел бы я, и, право, с большею охотой, чем в *Италию*. Сладкая колыбель человечества — и всякому усталому и молодому человеку удивительно как радостно взглянуть на эту колыбель» [2, с. 1461].

А. Николоюкин полагает, что Розанов преклонялся перед Египтом и его культурой. «Тайную, мистически связующую воедино сущность семьи, — пишет он, — Розанов искал и находил у древних египтян и древних иудеев. Он возвел в апофеоз пол, брак, семью, “чресленное начало”, пронизывающее весь Ветхий Завет, в отличие от аскетизма Нового Завета, с которым всю жизнь сражался. И в этой борьбе живые страсти Библии, сексуальное начало в искусстве Древнего Египта, культ животворящего Солнца рассматривались Розановым как высшее проявление человеческого духа» [3, с. 473]. Похожие доводы приводит и С. Федякин: «Потому “образы автора”, встающие за каждым из произведений, заметно разнятся: в “Апокалипсисе” — явленная миру растерзанная русская душа, которая видит крушение всего русского и самой России, в “Египте” — скрытая от чужих глаз душа пытливая, в ее попытке прозреть самые “основы мира”» [4, с. 492].

Такая установка сообщила древнеегипетскому искусству глубину мысли и закрытость, способствовала развитию символики тайны и загадки: «Именно то, что египтян нисколько не увлекла “красота живописи”, и до некоторой степени менее эстетического внутренне народа, чем египтяне, — никогда не существовало. Да ведь и рисовали они на стенах гробниц и внутри пирамид до такой степени накрепко запертых, что никогда на ум не приходило, что эти гробницы когда-нибудь будут вскрыты. Таким образом, они рисовали “в вечное закрытие”, в “вечную спрятанность от глаза”, в “безвестность и тайну» [5, с. 318]. Г. Масперо (Gaston Maspero) подчеркивает, что древнеегипетское искусство не создавалось для сохранения и изображения прекрасных форм, но для выражения религиозного духа: «Оно было, по существу, одним из средств, которыми воспользовалась религия для того, чтобы обеспечить всем населявшим землю. Если при достижении этой цели плодом приложенных усилий являлась, сверх того, красота, египетское искусство принимало ее с радостью, вовсе, однако, не считая ее необходимою для совершенства своих произведений; оно только соглашалось приложить усилия к тому, чтобы сделать свою работу красивою там, где это не вредило окончательному замыслу» [6, с. 375].

Для В. Розанова Древний Египет был прежде всего символом неразгаданных тайн, феноменом потаенной мудрости и всеобщего синтеза, откуда проистекли эзотерические, религиозные, философские, художественные, эстетические и культурологические концепции: «Что прекрасно, возвышенно и исключительно в Египте, то это следующее: что он нигде не центробежен, а везде центростремителен. Можно взять почти какую угодно в нем точку: и тогда, по достаточном размышлении, из этой точки можно вывести весь Египет. Такой чрезвычайной слитности, такого исключительного единства вы еще нигде не встретите» [5, с. 312]. Мысль Розанова о значимом месте египетской религии и ее оживотворяющем другие религии духе подтверждает С. С. Глаголев: «Египетская религия сложнее других религий. Она одна заключает в себе то, что содержится во многих различных религиях. Отсюда, если бы она была изучена и выяснена, то она могла бы послужить руководительным ключом к пониманию многих религиозных форм в различных странах и в различные времена» [7, с. 117]. Влияние Египта на все дальнейшее развитие других цивилизации отразилось в легенде о сфинксе, которую переняли и другие народы. Так, греки представляли, что в поисках божественного начала загадку сфинкса пытается разрешить царь Эдип. Древний Египет — страна, где «вспыхнули еще в ветхой древности “лампады” и от этих лампад зажегся религиозный свет и для всех остальных стран» [5, с. 39].

В Древнем Египте Розанов находил сумму всех верований древних народов, из которой впоследствии родилось зерно христианской мысли: «Но на Востоке, около этих лун, звезд и солнца — это так утверждено, так неизбежно и во всякой хижине установлено, что как-то “все христианство уже дышит нам в лицо”» [5, с. 204]. Восток занимает важное место в библейском сюжете бегства Марии в Египет от убийственных поисков Ирода, что неразрывными нитями связало историю Египта с историей христианского мира. Другой важный момент, на который обращает внимание В. Розанов, — это поклонение волхвов, в образе которых весь древний Восток и древность поклонились Младенцу Спасителю. В этом историческом моменте Розанов увидел встречу громадных религиозных и исторических течений,

и значительно позже, когда христианство уже «вошло» в человечество, в Египте ясно намечался исток христианской мысли. Об этом пишет и Хрисанф (Ретивцев): «В новом, христианском мире Египет был отечеством высшего и созерцательного Богословия и созерцательной жизни. Здесь положено начало для христианской философии. Здесь, прежде всего, человеческая мысль пыталась проникнуть в тайны откровения и уяснить себе высокие истины христианства» [8].

В понимании Розанова древнеегипетский народ был самый религиозный народ мире, и в его жизни религия была не теоретической абстракцией, а наиболее полным выражением всех верований и чаяний. В сознании древнеегипетского человека хотя и не существовало ясно выраженного представления о закономерностях, но были первые проблески понимания, что существует некое устройство в мироздании. После принятия факта устройства они подошли к осмыслению плана и внеземного порядка, согласно которому отрицаются случайности и непоследовательность. Был создан особый род небесного ощущения и теистичности, после чего возник и язык теологии. «Египетский теизм», как его называет В. Розанов, показывает обращенность всех настояний и починов древнеегипетского народа на служение богам, породившую весьма сложный и разнообразный мистико-пантеистический религиозный культ.

Сознание «первоначальности» и близости к первым дням творения освещает историю Египта, постоянно придавая ей ноту свежести и молодости: «Нельзя усомниться, что источник всего этого оживления и как бы воздушности, крылатости природы, лежал в египетских “гаинствах”, где они как бы “венчались” с источниками бытия, приходили в необыкновенную близость с ними, прикосновение, касание» [9, с. 422]. «Долгота» древнеегипетской темы позволила проработать многие вопросы — греха, фараонов, жрецов, посмертного суда, искупления и наказания, — освещая их с разных сторон. Тема «долготы» была подхвачена в человеческом утверждении «я есмь», которое реализовалось в идее преемственности — каждый человек прибавляет черточку в космогонию мира: «“Я есмь” — это бесконечность; и вытекло из того, что они “любились”» [5, с. 161]. В мировоззрении Древнего Египта, как и во многих религиях древности, от ощущения первоначальности напрямую исходит мысль о потомственности от первых Богов, которых египтяне представляли загадочными и непостижимым, а впоследствии — «сокровенными». Черта сокровенности легла на всю египетскую цивилизацию.

Розанов отмечает, что Древний Египет, несмотря на кажущееся впечатление, не «страна сумрака и неподвижности», «закостенелых каст» [5, с. 301], но цивилизация, познавшая положительный полюс вещей, в котором радость рождается из диалектики счастья и «секущей» печали: «В самом деле, где же религия, если нет печали? Египтяне и имели ум, тонкость и гениальность пролить в религию печаль... и этим “завязали узел” настояще-религиозного, чего не было у греков, совершенно светских... В Египте же были всенародные плачи, траурные торжества (“погребение Озириса”)... Они уловили ту мысль, что “прорезающее” печаль счастье именуется благородным наименованием радости... И в Греции было веселье, а радости не было. В Египте же веселья было немного, а радость» [5, с. 309]. Египтяне ввели траурный тон, указали на историческую необходимость скорби и создали переливы печалей, а это отнюдь не отменяет в их истории производительную силу и жизнотворящее ощущение.

Жизненная энергия, сочность и долговечность египетских сил объясняется виталистическим и биологическим принципом, поклонением растительному, бессознательному и краткому началу, обоготворением животных и освящением природы во всей полноте: «В египетских надписях, в папирусах собственные имена фараонов всегда сопутствуются предшествующими им предикатами: “Жизнь, здоровье, сила”» [10, с. 147]. Окостенелость и безжизненность не являются чертами древнеегипетской культуры, ее характеризуют «безтенность» и «неомраченность» — особенность, которую Розанов приписывает и сфинксам с их легкостью, вечным движением и возможностью всегда выйти из сна: «Они все почти — идут <...> ничто из изображавшееся у египтян, почти ничто, — *не остается в покое*, не стоит, не “отдыхает” и, очевидно, — не нуждается в отдыхе, а *хочет идти*» [5, с. 304].

Несмотря на констатацию, что содержание древних религий, как и древнеегипетской, окутано разными суевериями, на примере Древнего Египта очевидно признание весомости веры и мольбы древнего египтянина, которую Божество может услышать и помочь при несчастном начинании: Боги могут отвести опасность, защитить от других могучих сил, а поэтому необходимо их привлечь и приблизить к себе. Кроме этого, в молитве, пишет Розанов, «мы слышим нескончаемый гул голосов под землей, слышим говор народа и народов, стенания, мольбы, тоску, скорбь и широкую бытовую жизнь» [5, с. 79]. О серьезности молитвы египтян говорит и тот факт, что изображение молитвы в виде поднятых рук помещалось на вход в египетские храмы. Египтяне верили в исключительный и «заклинательный» дар молитвы, что сообщало их начинаниям особенную торжественность и возвышенность. Эту мысль подтверждает поэт К. Бальмонт, немало путешествовавший по пространствам Арабского Востока: «Молитвенные песнопения, заклинанья и религиозные помыслы, составляющие эту цельную слитность Египетских текстов, были записаны, загадочными письменами, на стенах гробниц и саркофагов, на траурных колоннах, папирусах и амулетах. Египетский народ был одним из самых религиозных народов, когда-либо существовавших на Земле, и цель этих молитвенных в заклинательных надписей — удостоверить благое состояние отшедших за пределами посюсторонней жизни. Тексты эти, главным образом, были найдены в Фивах. Эти благоговейные мысли возникали и светились в Египетских умах в течение многих тысячелетий, — и пяти, и семи, и свыше, — и были одинаково живыми — как перед умственными взорами Фараона, так и пред умственными взорами обыкновенного пахаря или рабочего. Это — мыслительный клад, сиянья которого распространялись одинаково на всех» [11, с. 270].

Воздетые к небу руки связаны и с образом семьи, которая в Древнем Египте была важной темой во всех религиозных обрядах: «Чтобы *открыть* Египет, нужно было собственно в *себе открыть семью*. Ибо параллельное познается только параллельным. “Не параллельное” никогда не познает себе не параллельного, — хотя бы “и узнал о нем всем”» [5, с. 129]. Первая молитва, мыслит Розанов, соотносится с испугом, высказывает обращение к звездам в поиске защиты и исцеления: «Вот кто первый помолился — это *Мать*. Когда она испугалась за своего заболевшего ребенка. Тогда она подняла руки кверху и сказала: “Ах”! И прибавила: — “Помоги”!.. — “Помогите”!..» [5, с. 74]. Молитвенные руки, направляемые к неназванной силе на небе, божеству, звездам, вписываются в языческий

принцип². Полет религиозного и мистического чувства на данном этапе человеческого сознания непосредственно связан с космогонией в астрологическом понимании, где существует деление на пространственные области жизни во вселенной (небо, земля и таинственная глубина). В трепетном отношении к астральному рождаются первая религиозность и чувство провидения. Это подтверждает и классификация В. Соловьева, согласно которой эпоха Египта совмещает два больших периода — астральный и солнечный: «Когда мировое единство открывается природному сознанию человечества в астральной форме, и божественное начало почитается как огненный владыка небесных воинств — эпоха звездопоклонства, или цабеизма; господствующий бог этой эпохи является для отчужденного от божественной сферы сознания как существо безмерно высокое, несоизмеримое с человеком, поэтому чуждое, непонятное и страшное ему <...>. В этих фаллических религиях человеческая душа, подчиненная сначала далеким силам небесных светил и во всеобъемлющей бесконечности звездного неба видевшая прямое выражение бесконечности и единства божественного, перешедшая затем к более близкой и деятельной силе солнечного света и в этом благотворном светиле как центре своего физического мира находившая ясный образ божества как центрального действующего начала вселенной» [13, с. 153–155].

В трепете к звездам Розанов видел не грубую и бездушную астрономию, а страстное и глубокое «заглядывание» в неизвестную сферу, которая может повлиять на судьбу человека. Изучая звездный принцип и подражая ему, древние египтяне разложили небо на созвездия, пытались вычислить и измерить их движение. Особое почитание звезд описано у Геродота, который отметил, что во время праздника в городе Саисе древние египтяне зажигали лампы: «Когда египтяне собираются на праздник в Саисе, то все в ночь [после жертвоприношения] возжигают множество светильников и ставят их вокруг домов. Светильники же эти — мелкие сосуды, наполненные солью и маслом, на поверхности которых плавает свечильня. Светильники горят целую ночь, и праздник этот называется праздником возжигания светильников. Даже те египтяне, кто не участвует в саисском торжестве, соблюдают этот праздник: все возжигают в ночь после жертвоприношения светильники, так что возжигание их происходит не только в Саисе, но и по всему Египту» [14, с. 99].

Древний египтянин хотел повторить «очи неба» на земле, зажечь огни, чтобы уже этими, как пишет Розанов, «очамя³» взглянуть на неведомого Бога: «Вот откуда может быть и инстинкт в религии — “зажечь огни”, “зажечь лампы”. И вот отчего огни свеч или лампад на улице, в воздухе сильнее волнуют, чем в здании. Море воздуха и среди его точки огней, пожалуй, были первым изображением Бога, первую статуею, первым “образом”. Это “как небо”. А “небо” или “в небе”, это “бог”, “Бог”. Имени мы Его не знаем» [16, с. 237–238]. Соответственно, в религии Древнего Египта Розанов видит «благородную» астрологию древности, которая говорит

² Розанов выделяет в языческих религиях несколько принципов: «1) принцип звездный; 2) принцип животный или скорее — животнотворческий; 3) романтический; 4) принцип чуда и святости, или на низшей ступени, в грубых пережитках, или на ступенях недоразвития — принцип волшебства и умиления» [12, с. 180].

³ Как отмечает Аверинцев, уподобление звезд «очам неба» связывается и с любовным двустушием, которое приписывается Платону: «Небо, дабы взирать на тебя многими очами!» [15, с. 93].

об умиленном религиозном отношении к небесному и звездному полого, а не о невежественном и наивном звездочетстве, пустом прослеживании геометрических точек. В сознании древнего египтянина постепенно отсеивались крайнее фантазерство и мечтательные воображения, а оставалось стремление к тонкому проникновению в тайну космических явлений. Несмотря на то, что обожание звездного неба проникнуто чувством пребывания на нем таинственных сил, от которых зависит жизнь человека, в момент возникновения обычая возжигать лампы египтянин постепенно преодолевал чувство страха: «Ощущение религии начинается там, где начинается ощущение святого, а не там, где появляется соприкосновение с неизвестным. Неизвестное пугает и гонит от себя, а ведь в Вавилоне, Тире, Сидоне, Египте, так же как и в России, человек влекся к Богу» [5, с. 294].

В момент, когда существует ясное представление о пространстве как о всеобъемлющей реальности, речь уже идет не об определяющем значении мифологических и метеорологических представлений, а о том, что эти представления занимают важное место и помогают в разрешении метафизических и этических истин. Было бы, считает Розанов, вопиющей несправедливостью религиозную тему Древнего Египта сводить лишь к «поклонению камням», отбрасывая при этом всю полноту религиозного содержания, его экспрессии и порывов. «Камень» для египтян был включен в процесс, основанный на выявлении взаимосвязей, которые были предметом наблюдений, размышлений и философских исканий. Люди испытывали религиозное чувство к постоянному предмету своего созерцания: «В камне они не камню поклонялись, а идее и проникновению своему в идею: как все происходит и, главное, откуда все растет» [5, с. 307]. Таким образом, древний египтянин обращался к богу в «локальном измерении», культе, тем не менее осознавая, что сокровенный и всемогущий бог в любой момент может разрушить «ограниченную» форму своего пребывания в мире⁴.

Несомненно, печать местной природы лежит в системе религиозных координат Древнего Египта. Можно выделить особое почитание «священной реки» Нила. С Нилом связываются важные мифы, «повторяемость» явлений и цикличность изменений, напоминающих древним египтянам изменения самой Вселенной: «Что такое Нил — не в географическом и физическом своем значении, а в том другом и более глубоком, какое ему придал живший по берегам его человек? “Великая, священная река”, подобно тому как мы говорим “святая Русь”, в применении тоже к физическому очерку страны и народа. Нил, однако, звался “священным” не за одни священные предания, связанные с ним и приуроченные к городам, расположенным на нем, а за это огромное тело своих вод, периодически выступавших из берегов и оплодотворявших всю страну» [10, с. 145]⁵. В представлении Древнего Египта, что выражено в древних гимнах, Нил центральное место в египетском теизме:

⁴ На данную тему примечательный пример дает египтолог Я. Ассман (Jan Assmann): «Здесь проводится различие между сокровенным божеством-владыкой воздаяния и богом, “сделанным из камня или меди”, то есть культовой статуей. Это различие поясняется посредством другого противопоставления: живой реки, не позволяющей себя обуздать, и воды в искусственном канале или резервуаре. Разве не ясно, что имеются в виду “два естества” культовой статуи?» [17, с. 77].

⁵ Все, находящееся за пределами долины Нила, родины папируса и лотоса, древний египтянин воспринимал как Красную страну: «Красная страна — это метафора для бесплодной, выжженной солнцем пустыни, чьи горы на востоке видны как светлые полосы над плодородной страной. Все, что было за пределами долины Нила, египтянин отражал, одним и тем же словом “пустыня” и писал

он оплодотворял землю, давал жизнь и постоянно ее насыщал [5, с. 297]; бытовало верование, что Нил богоподобен: «“Нил есть Озирис”» [5, с. 171]»; по направлению к Нилу строились древние храмы и кладбища; в древнеегипетской мифологии Сет бросает части тела Осириса в Нил и на поиски частей тела отправляется Изиды. С Нилом также связываются многие верования, в которых река представлена как сила, через которую божество может послать наказание и благодеяние. Розанов особенно выделяет гимн Атону, в котором фараон Эхнатон указывает на «двумирность» реки: «Нил на небесах» — для чужестранцев <...> Но Нил исходит из Исподнего мира для Египта» [5, с. 141].

Помимо священной реки Нил религиозное воззрение Древнего Египта в своих началах и главных определениях связано с идеей Солнца и света. Из этой концепции вытекают все религиозные, антропологические и космологические понятия. Согласно египетскому теизму, теплота Солнца воспринималась как производительная сила жизни и всего бытия, как основание и главная клеточка всего сущего, дарующая жизнь на берегах Нила и Евфрата: «Таким образом, Солнце есть производитель, есть родитель, “матушка и батюшка” самого чувства Бога, как оно сказалось некогда, на заре истории. Суть здесь не в астрономической теории, а в действительно существующей мистической связи Солнца с человеком, у которого оно — растит волосы, определяет цвет кожи и вместе из которого оно растит неопределеннейшее и секретнейшее чувство Бога» [5, с. 297].

В жизни древнего египтянина солнце связывалось с владыками и богом Ра-Осирисом, который предрешает судьбы не только цивилизаций и народов, но и является благодетелем или воздаятелем участи любого слабого человека, который к нему обращается: «*О владыка всех, охваченных слабостью, О владыка каждого дома, поднимающийся ради него*» [5, с. 141]. Таким образом, мыслит Розанов, в эпоху реформатора Эхатона, который в «Гимне» обращается к гелиоморфному божеству, была актуальна антропоцентрическая концепция, согласно которой круговращение знаменует «работу» и «службу» Бога ради человечества: «Какая мысль — индивидуализация универсализма: солнце встает не “вообще”, а — “для тебя, Ивана, оно нарочно встало”» [5, с. 141]. Солнце сближается с человеком, вводится почитание солнечного диска Атона, где он представлен с лучами, которые заканчивались кистями человеческих рук⁶. В так представленной солнечной космографии Розанов выделяет момент приписывания человеческих свойств солнцу: «Так вот как *очеловечивалось* для них Солнце... Оно “с руками”, которые мы только не видим; да и видим мы их, но не понимаем, что оне *держат в себе жизнь и дают ее, несут ее* всей Подсолнечной, от человека до былинки. Это — лучи» [5, с. 179]. В «Гимне Эхатона» Розанов особенно настаивает на прочтении Солнца как Милосердца, охватывающего все живое и представляющего для него источник всевозможной пищи.

Как показано в «Гимне Эхнатона», солнце было важным элементом «виртуальной апокалиптики»: человек не мог избавиться от ощущения опасности остановки космического процесса, и поэтому каждый восход был значимым событием и приносил радость, а закат превращает мир в пустыню и приводит к тому, что

его вместе с символом также для обозначения гор, заграницы и др. Эти территориальные природные различия отражаются в мифологическом дуализме» [18].

⁶ «Атон — это, прежде всего, не просто солнечное божество, но солнечный диск — то есть очевидный для всех, чувственно постигаемый образ Солнца» [19, с. 32].

жизнь на земле полностью иссякает [5, с. 138]. С солнцем древние египтяне связывали «прорыв» в другой мир, где оно уже «другое Солнце», пребывающее за гранью жизни и являющееся недоступным человеку с его земным зрением. Эта мысль привилась на основании загадочной и неизменной последовательности, которая представляла перед жителем Древнего Египта: Солнце, появляющееся над горизонтом, греющее и освещающее землю, и Солнце, заходящее за горизонт вечером и исчезающее в бездне. Заход Солнца привел египтян к мысли о существовании другой, невидимой его стороны, некоей таинственной области, «над-пеленного» и «под-пеленного» пребывания. По аналогии те же принципы сменяемости и чередования рождения и умирания легли в представление о бессмертии. Судьба человека представлялась египтянам подобной космическим движениям, в которых они видели принцип правильности и неотступности: «Жизнь и смерть и их взаимное чередование, — вот основной догмат египетской религии, — жизнь в, ее неизменной основе и с бесчисленными и разнообразными видоизменениями ее, — вот общая, основная идея, проникающая все религиозное воззрение Египта, — и его взгляд на божество, и его космологию, и антропологию. Эта же идея лежит в основе и того своеобразного учения о бессмертии и последней судьбе человека, которое составляет, как сказали мы, самую выдающуюся сторону в религиозном воззрении египтянина. Таинственное божество казалось ему так же совершающим цикл изменений в своей жизни, а вместе с ним и вся вселенная, как и сам человек и его судьба — подверженными тому же закону изменений в своем происхождении и цели бытия» [8]. Осирис и его женская ипостась Изиды представляли реальное воплощение божественных начал в жизненных процессах, в то время как сердце-душа человека воплощала в себе часть этого божества, на основании чего расстояние между божественным и человеческим представлялось сравнительно допустимым. В этом контексте появляется особое измерение «близости к Богу», в котором предполагалась подлинная встреча с божеством, вызывавшая, как говорилось в религиозных текстах, чувство дрожи, но и удивления и ликования. Особенно важным, отмечает Я. Ассман, становится понятие «поместить Бога в своем сердце»: «Это новая сфера религиозного опыта, лежащая по ту сторону культа, космоса и мифа, горизонтом которой являются сердце человека и его личная история и в которой человеческая судьба непосредственно зависит от личной воли Бога» [17, с. 337]. Согласно гл. 125 «Книги мертвых» («Отрицательная исповедь»), умерший перед тем, как перейти в потусторонний мир, должен пройти через испытание, в котором Бог выступает в роли этической инстанции. Сердце-душа человека взвешивается на Весах Истины, и умерший должен перечислить 42 клятвы перед лицом Осириса [20, с. 228–232]. Как подчеркивает Я. Ассман, эта глава посвящена загробному суду, на котором главным свидетелем оказывается сердце-душа, т. е. человеческая добродетель становится залогом памяти и вечности: «Можно предположить, что принцип, лежащий в основе этой процедуры, состоит в том, что при каждой лжи сердце человека становится тяжелее» [21, с. 202].

Как уже было сказано, расстояние между человеком и божеством не было непреодолимым, а потому, отмечает В. Розанов, предполагался переход из одного мира в другой, в вечность и будущее: «В собственно смысле “мертвых” не было в Египте, в нем никто “не умирал”, а лишь получал иную форму жизни, иное состояние бытия. Без этого убеждения они не строили бы пирамид своих не укрепляли бы

наподобие крепостей своих могил» [5, с. 144]. О том, с каким чаянием древние египтяне, устремленные к вечности и неизменности, думали о неизвестной будущей жизни, свидетельствуют монументальные сооружения, на которые они тратили все богатства и силы, используя самые «долговечные» породы камня. Отсюда вводится, по выражению, Я. Ассмана контекст «священного пространства длительности» [21, с. 184], который открывает перспективу и путь к спасению.

Смерть понималась не как конец, а как дверь, пройдя через которую умерший начнет новую жизнь в лоне неба, поэтому название «Книга мертвых»⁷, отмечает Розанов, в переводе с древнеегипетского означает и «Выход из дня»⁸ [12, с. 35], что связано с идеей перехода в качественно иное состояние бытия, в котором присутствует «вечный друг около каждого Рожденного» [5, с. 159]. Идея вечной жизни и бессмертия отразилась и на обычае создания «гимна для себя же», согласно которому в каждом человеке обнаруживалось богоподобие и ему выдавались папирусные свитки как ознаменование исхода из земной жизни и странствования в небесной: «“Всякий умерший становится Озирисом”. Так что в руки умершего вкладывали свиток слов от его лица, с пустым местом для его собственного (личного) имени, начинавшийся так: “Я, Озирис (такой-то, имя)”» [12, с. 294]. Подобно Солнцу-Осирису, который от лица добра вступает в борьбу со злом в образе Сета, человек, дойдя до предела жизни, должен развить силы и как побеждающий Озирис пройти искус зла. В преданиях Бог-добро никогда окончательно не одерживает вверх, но и не погибает — в мире всегда имеется перевес добра над злом. Добро может быть лишь на время побежденным, подобно тому, как Солнце заходит и некоторое время не освещает землю, а потом вновь выступает, знаменуя новый день. Таким образом, акт божественной смерти — что появится и в христианстве — является наибольшим торжеством Бога-добра, который божественным усилием становится владыкой обоих миров, жизни и смерти.

Литература

1. Намитокова, З. А. (2004), Египет и египтяне в русской литературе о странствиях, в: *Восток в русской литературе XVIII — начала XX века. Знакомство. Переводы. Восприятие*, М.: ИМЛИ РАН, с. 163–196.
2. Николюкин, А. Н. (сост.) (2008), *Розановская энциклопедия*, М.: РОССПЭН.
3. Николюкин, А. Н. (2001), *Розанов*, М.: Молодая гвардия.
4. Федякин, С. Р. (2002), Сокровенный труд Розанова, в: Розанов, В. В., *Собрание сочинений, т. 14: Возрождающийся Египет*, М.: Республика, с. 492–499.
5. Розанов, В. В. (2002), *Собрание сочинений, т. 14: Возрождающийся Египет*, М.: Республика.
6. Масперо, Г. (1915), *Египет (Ars una — Species Mille)*, М.: Проблемы эстетики.
7. Глаголев, С. С. (1932), *Очерки по истории религий*, ч. 1, Сергиев Посад: Свято-Троицкая Сергиева Лавра.
8. Хрисанф (Ретивцев), *Религии древнего мира в их отношении к христианству*, т. 1–2. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Hrisanf_Retivcev/religii-drevnego-mira-v-ih-otnoshenii-k-hristianstvu/9 (дата обращения: 18.01.2023).
9. Розанов, В. В. (1995), *Собрание сочинений, т. 6: В мире неясного и нерешенного. Из восточных мотивов*, М.: Республика.
10. Розанов, В. В. (2003), *Собрание сочинений, т. 16: Около народной души*, М.: Республика.

⁷ Примечательно, что «Книгу мертвых» клали в гробницы обычных людей, чтобы они запаслись знанием о загробной жизни [17, с. 110].

⁸ О возможных переводах см. подробнее: [7, с. 159–160].

11. Бальмонт, К. Д. (2010), В раздвинутые дали: Поэма о России; Гимны, песни и замыслы древних; Марево, в: Бальмонт, К. Д., *Собрание сочинений*: в 7 т., т. 4, М.: Книжный клуб Книгоvek, с. 138–284.
12. Розанов, В. В. (1999), *Собрание сочинений*, т. 10: *Во дворе язычников*, М.: Республика.
13. Соловьев, В. С. (1912), Чтения о Богочеловечестве (1877–1881), в: Соловьев, В. С., *Собрание сочинений*, т. 3, СПб.: Просвещение.
14. Геродот (1972), *История*: в 9 кн., Л.: Наука.
15. Аверинцев, С. С. (1979), Неоплатонизм перед лицом платоновской критики мифологического мышления, в: *Платон и его эпоха (к 2400-летию со дня рождения)*, М: Наука, с. 83–93.
16. Розанов, В. В. (1995), *Собрание сочинений*, т. 5: *Около церковных стен*, М.: Республика.
17. Ассман, Я. (1999), *Египет. Теология и благочестие ранней цивилизации*, М: Присцельс.
18. Луркер, М. (1998), *Египетский символизм*, М.: Золотой век. URL: http://shnurok14.narod.ru/lib/new_m/manfred/simbols/004.htm (дата обращения: 18.01.2023).
19. Жданов, В. (2013), Теокосмогоническая проблематика в древнеегипетской мысли амарнского периода: историко-философский аспект, *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия*, № 1, с. 30–36.
20. Шапошников, А. К. (сост.) (2011), *Древнеегипетская книга мертвых: Слово Устремленного к Свету*, М.: Эксмо.
21. Ассман, Я. (2004), *Культурная память. Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности*, М: Языки славянской культуры, 2004.

Статья поступила в редакцию 30 января 2023 г.;
рекомендована к печати 7 сентября 2023 г.

Контактная информация:

Милентиевич Лазарь — PhD, доц.; milentijeviclazar@mail.ru

Dialogue with Ancientry: V. Rozanov on the Ancient Egyptian Civilization

L. Milentijevic

University of Novi Sad,
2, ul. Dr Zorana Đinđića, Novi Sad, 21102, Serbia

For citation: Milentijevic L. Dialogue with Ancientry: V. Rozanov on the Ancient Egyptian Civilization. *Vestnik of Saint Petersburg University. Philosophy and Conflict Studies*, 2023, vol. 39, issue 4, pp. 750–761. <https://doi.org/10.21638/spbu17.2023.412> (In Russian)

In this paper, the author aims to analyze the cultural and historical view of religious, philosophical, and mystical searches of Ancient Egyptian in the works by V. Rozanov. The interest in the Egyptian civilization, as an important feature of the turn of the-century era, shows V. Rozanov's desire to carry out a dialogue with *ancientry*, from which all religious and philosophical concepts originate. The purpose of the research is to represent the views of V. Rozanov concerning the themes of immortality and deities in Ancient Egypt, the principles of astrology and cosmogony in the culture of *ancientry*, as well as the relationship of the Ancient Egyptian and Christian religions. According to V. Rozanov, Ancient Egypt was a land, where the principle of silence hid life force and vitality, which has found expression in the longevity of civilization. V. Rozanov focuses on the idea that the Ancient Egyptians were the most religious people that presented the developed doctrine of immortality, which became the fundamental thought of their religion. Rozanov shows the role of stellar astrology, physical and natural phenomena, and also underlines varieties of the religious cult that existed in Egypt, in which he highlights the images of Osiris and Isis. Rozanov particularly notes that, despite the belief in spells and wizardry, the Ancient Egyptian overcame the fear of the

mysterious and unknown at a certain stage of development, and then made efforts to build a connection with It.

Keywords: V. Rozanov, Egypt, the East, astrology, cosmogony, civilization, myths.

References

1. Namitokova, Z. (2004), Egypt and the Egyptians in Russian travel literature, in: *Vostok v russkoi literature XVIII — nachala XX veka. Znakomstvo. Perevody. Vospriyatie*, Moscow: IMLI RAN Publ., pp. 163–196. (In Russian)
2. Nikolyukin, A. (ed.) (2008), *Rozanov's Encyclopedia*, Moscow: ROSSPEN Publ. (In Russian)
3. Nikolyukin, A. (2001), *Rozanov*, Moscow: Molodaia gvardiia Publ. (In Russian)
4. Fedyaikin, S. (2002), Rozanov's sacred work, in: Rozanov, V. V., *Sobranie sochinenii, t. 14: Vozrozhdaishchiisia Egipet*, Moscow, Respublika Publ., pp. 492–499. (In Russian)
5. Rozanov, V. V. (2002), *Collected works, vol. 14: A rising Egypt*, Moscow: Respublika Publ. (In Russian)
6. Maspero, G. (1915), *Egypt (Ars una — Species Mille)*, Moscow: Problemy estetiki Publ. (In Russian)
7. Glagolev, S. (1932), *Essays on the history of religions*, pt. 1, Sergiyev Posad: Sviato-Troitskaia Sergieva Lavra Publ. (In Russian)
8. Khrisanf (Retivtsev) (1872), *Religions of the ancient world and their relation to Christianity*, vol. 1–2. Available at: https://azbyka.ru/otechnik/Hrisanf_Retivtsev/religii-drevnego-mira-v-ih-otnoshenii-k-hristianstvu/9 (accessed: 18.01.2023). (In Russian)
9. Rozanov, V. V. (1995), *Collected works, vol. 6: In the world of the uncertainty and indefiniteness*, Moscow: Respublika Publ. (In Russian)
10. Rozanov, V. V. (2003), *Collected works, vol. 16: Around folk soul*, Moscow: Respublika Publ. (In Russian)
11. Bal'mont, K. D. (2010), Hymns, songs and the plans of the ancients, in: Bal'mont, K. D., *Sobranie sochinenii*, in 7 vols, vol. 4, Moscow: Knizhnyi klub Knigovek Publ., pp. 138–284. (In Russian)
12. Rozanov, V. V. (1999), *Collected works, vol. 10: In the yard of the pagans*, Moscow, Respublika Publ. (In Russian)
13. Solov'ev, V. S. (1912), Lectures on Godmanhood, in: Solov'ev, V. S., *Sobranie sochinenii*, vol. 3, St. Petersburg: Prosveshchenie Publ. (In Russian)
14. Herodotus (1972), *History in nine books*, Leningrad: Nauka Publ. (In Russian)
15. Averintsev, S. S. (1979), Neoplatonism in the face of Platonic criticism of mythological thought, in: *Platon i ego epokha (k 2400-letiiu so dnia rozhdeniia)*, Moscow: Nauka Publ., pp. 83–93. (In Russian)
16. Rozanov, V. V. (1995), *Collected works, vol. 5: Around church walls*, Moscow: Respublika Publ. (In Russian)
17. Assman, J. (1999), *Egypt. Egyptian religion, theology and piety*, Moscow: Pristsel's Publ. (In Russian)
18. Lurker, M. (1998), *Egyptian symbolism*, Moscow: Zolotoi vek Publ. Available at: http://shnurok14.narod.ru/lib/new_m/manfred/simbols/000.htm (accessed: 11.01.2023). (In Russian)
19. Zhdanov, V. (2013), Theocosmogonic problems in the ancient Egyptian thought of the Amarna period: historical and philosophical aspect, *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Serii: Filosofii*, vol. 1, pp. 30–36. (In Russian)
20. Shaposhnikov, A. K. (comp.) (2011), *The Egyptian book of Death: A word directed towards the Light*, Moscow: Eksmo Publ. (In Russian)
21. Assman, J. (2004), *Cultural Memory, Script, Recollection, and Political Identity in Early Civilizations*, Moscow, Iazyki slavianskoi kul'tury Publ. (In Russian)

Received: January 30, 2023

Accepted: September 7, 2023

Author's information:

Lazar Milentijevic — PhD, Associate Professor; milentijeviclazar@mail.ru